

Девушка понимала, что лучше не перечить.

Рита плотно закрыла уши обеими руками, а на лице Драмины появилась робкая улыбка. Однако, заметив многочисленные мелкие ранки на тонких конечностях, щеках и лбу Риты, вампирша возмутилась. На белоснежной коже Драмины появился алый румянец гнева.

— Даже если вы ненастоящие рыцари, преследовать гурьбой такую невинную девушку, как эта, бесстыдно. Получающие удовольствие от пыток слабых и безоружных, способных только убежать, рыцари Глоссгьера — не рыцари. Вы простые притворщики.

Драмина тоже безоружна. Её пальцы в длинных черных перчатках достаточно изящны, чтобы очаровать любого, так же естественно, как живых существ привлекают руда, вода, ветер или лунный свет. Один из трех рыцарей — в сером доспехе — сделал шаг вперед. У него не было ни копья, ни меча, ни лука, ни топора — вместо этого его талию обвивали несколько толстых цепей. Взявшись за оба конца серебряных цепей, свисающих с бедер, серый рыцарь одним движением расстегнул цепи. Возможно, благодаря какому-то магическому трюку, цепи размотались без единого звука, и теперь с каждой его руки свисало по три серебряные цепи, похожие на якорные. Даже одна такая цепь заставила бы сильного человека согнуться под тяжестью и упасть.

— Я не могу не поблагодарить моего создателя за то, что он даровал мне честь и великое искушение владеть умениями моих славных предков. Прежде всего, я, Галокфорд, буду твоим противником.

Испытывая чувство вины, Галокфорд взмахнул руками, как вихрь, словно разбрасывая распутившиеся цветы в лунном свете. Тут же послышался непрекращающийся гул цепи, рассекающей ветер и создающей вокруг Гэлокфорда торнадо.

— Думаю, это хорошая техника для создания призыва прохладного ветерка летом, верно?

На лице Драмины засияла великолепная улыбка. Галокфорд искренне пожелал, чтобы эти губы высосали его кровь. Всё в природе согласилось бы с ним. Драмина сделала три беззвучных шага вперед. Руки Гэлокфорда, безостановочно вращавшиеся, остановились в тот момент, когда вампирша вошла в торнадо. Тонкие руки Драмины, которые были примерно в два раза толще рук Галокфорда, схватили и остановили три серебряные цепи, раскачивавшиеся со скоростью, в десять раз превышающей скорость звука.

— Ах-х?..

Даже если у Драмины есть сердце и способность рассердиться, глядя на жестокое обращение с невинной девушкой, даже если у нее изящная и очаровательная фигура, Драмина всё равно дитя царства ночи и лунного света. Она — королева вампиров. Это столь же очевидный факт,

как красота луны.

Поэтому вполне естественно, что если она взмахнет руками, раскачивая цепи, то Галокфорд, в свою очередь, останется без рук. Ни доспехи, ни цепи, ни магическая защита не помогли, и из открытых ран Галакфорда хлынул черный поток.

Королева лунной ночи была безжалостна.

Когда каждая из стройных рук Драмины двигалась в воздухе вперед-назад, руки Галокфорда, прикрепленные к серебряным цепям, врезались в голову своего владельца. Драмина не только раздавила шлем рыцаря как гнилой фрукт, но и разрубила его пополам по вертикали.

— Кто следующий?

— В таком случае, я, Эльнесса, брошу Вам вызов.

Голос подал рыцарь в черных доспехах. Брови Драмины сдвинулись — она оценивала своего следующего противника. Изгиб бровей вампириши заставил бы лучшего художника в мире изо дня в день мучиться над тем, как воссоздать его красоту на полотне. Однако причиной замешательства королевы было то, что голос рыцаря принадлежал женщине, не сильно отличавшейся по возрасту от самой Драмины.

Ничем не уступая другим рыцарям ни по качеству, ни по количеству боевого духа, Эльнесса двинулась в сторону Драмины. В руках она держала сверкающий обоюдоострый длинный меч. Клинок сиял серебристым светом, демонстрируя свою остроту, от которой даже доспехи, созданные лучшими мастерами, не смогли бы выдержать атаки.

— Ну вот и я!

— Хорошо. Разрешаю.

Едва Драмина закончила говорить, как земля под ногами Эльнессы взорвалась. Шаг Эльнессы был настолько мощным, что заставил землю расколоться благодаря ужасающей силе мышц. Чёрные доспехи превратились в пушечное ядро и ударили по Драмине спереди. Меч расправился, как крылья хищной птицы, атакующей свою жертву, и прочертил в воздухе яркие серебряные линии.

Косой удар достиг королевы так же быстро, как удар молнии, и почти в тот же миг длинный меч пронзил тонкие шею и талию Драмины. Траектория длинного меча пролегла в виде двух косых ударов параллельно земле, разделив тело Драмины на три части. Но Эльнесса почувствовала отсутствие сопротивления, и поняла, что это было лишь отражение, созданное Драминой, двигавшейся назад на большой скорости. Поняв свою ошибку, Эльнесса отпрыгнула назад, продолжая держать меч в том же положении.

Вернее, она попыталась отпрыгнуть. Двигаясь еще быстрее, чем отступив с траектории меча, Драмина рванула вперед и пронзила правой рукой броню и сердце Эльнессы ещё до того, как ноги оторвались от земли. Правая рука Драмины, обтянутая чёрной перчаткой от середины плеча до кончиков пальцев, сжала сердце Эльнессы. Кровеносные сосуды, отходящие от сердца, плавно разорвались, как будто всё это естественно. Эльнесса не почувствовала боли, когда в её груди открылась дыра, и даже когда кровь перестала вытекать оттуда. Драмина резким движением выдернула руку из груди женщины-рыцаря. Изящно, словно танцуя. Она настолько грациозна из-за своего статуса, или это врождённое? Её красота несколько не поблекла, пока она держала в ладони замершее сердце. Напротив, сырое и тошнотворное, оно контрастирует красотой рук Драмины, подчёркивая её.

— Подумать только, я не смогла оставить ни одной царапины... Прискорбно.

Пробормотав эти слова, Эльнесса рухнула на колени. Она начала превращаться в пепел, оседая, а затем доспехи и длинный меч с грохотом упали на землю. Сквозь щель в шлеме можно было увидеть, как распадается на частицы лицо Эльнессы. Умирая, женщина лучезарно улыбалась. Пусть она и не соперник Драмине, она бросила вызов и боролась со всей яростью, на которую была способна. Она не возражала против гибели.

Смотря на превращавшееся в пепел сердце Эльнессы, Драмина не скрывала разочарования.

— Почему только так ты можешь выразить свою добродетель? Если у тебя достаточно доблести, чтобы сражаться отважно, несмотря на неизбежную гибель, то почему тебе не приходит в голову остановить жестокость своего господина, даже если это означает твою гибель?

— Если порицать злодеяния своего господина, предлагая ему свою жизнь, называется верностью, то следовать за ним по пути гибели и вместе пасть в глубины ада — тоже верность, Ваше Величество.

— Я понимаю первое, но я не понимаю второе. Эта верность допускает бесчисленные смерти невинных. Это значит оправдывать Гиорра, который без разбора убивает всех — даже детей, которые никогда в жизни не держали в руках оружия, и стариков, которые просто ждут последнего часа. Я никогда не добивался от подданных лояльности, прощающей преступления господина, пролитие крови и убийство невинных. Я надеялась, что они будут направлять меня, если я сойбюсь с пути. Объяснять мне причину ошибки, как отец, как брат, как учитель и как друг.

— Слава Вашего Величества достигла нашего королевства задолго до того, как Вы вступили на трон. На заре вашего правления Валькириос переживал период небывалого процветания, и королевство приравнивали древним народам прошлого, флаг и герб которого будет развеиваться над всеми континентами, а все племена склоняться перед ним. — произнесла Эльнесса. — Однако положение, в котором Ваше Величество родилось, сделало Вас предназначенной для того, чтобы другие повиновались Вам. Поэтому, даже если мы обратимся в прах, у Вашего Величества нет возможности по-настоящему понять сердца тех, кто был рожден, чтобы предложить эту преданность. И это нормально. Потому что, наследуя кровь предков, мы не

должны хранить верность никому и ничему, кроме наших основателей и создателей. Даже самим богам, какими бы добрыми или мерзкими они ни были.

<http://tl.rulate.ru/book/3/2106434>